

КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА

УДК 82-3; 159.923.2

DOI: 10.31249/hoc/2024.02.10

Комалова Л.Р.^{*1}, Сергеев С.С.^{*2}

КОЛОМЕЙСКИЙ ДОН ЖУАН: НАБРОСКИ К МНИМОЙ ОТНОШЕНЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Аннотация. В статье предпринята попытка описания отношенческой идентичности с опорой на текст новеллы Леопольда фон Захера-Мазоха «Коломейский Дон Жуан». Новелла представляется текстом,

^{*1} **Комалова Лилия Ряшитовна** – доктор филологических наук, доцент, руководитель и ведущий научный сотрудник Центра эмерджентных практик Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук; профессор Кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета; Москва, Россия, komalova@inion.ru

Komalova Liliya Ryashitovna – DSc in Philology Habil. (Linguistics), Associate Professor, Head and Leading Research Fellow of the Centre of Emerging Practices at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Professor of the Department of Applied and Experimental Linguistics at Moscow State Linguistic University; Moscow, Russia, komalova@inion.ru

^{*2} **Сергеев Сергей Сергеевич** – ведущий специалист Центра эмерджентных практик Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия, inioncepsss@mail.ru

Sergeev Sergey Sergeevich – Leading Specialist of the Centre of Emerging Practices at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, inioncepsss@mail.ru

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН» по теме «Новейшие тенденции в развитии гуманитарной мысли России и Запада: философские течения, развитие культурологии и духовная жизнь общества в цифровую эпоху».

иллюстрирующим один из частных художественных взглядов автора на тему «любовь». Отношенческая идентичность рассматривается нами как общий термин для разнородного поля процессов, протекающих в отношениях в паре. Применительно к этому в рассказе героя новеллы Деметриуса разворачивается нарратив, формирующий отношенческую идентичность, но ее морфология, кажется, скрыта от самого рассказчика, он застревает в представлениях о романтической влюбленности как обязательном требовании к партнеру и отказывается от развития себя в отношениях и от развития отношений.

Ключевые слова: отношения в паре; Захер-Мазох; идентичность; отношенческая идентичность; новелла; рассказ; нарратив.

Получена: 05.02.2024

Принята к печати: 01.03.2024

Для цитирования: Комалова Л.Р., Сергеев С.С. Коломейский Дон Жуан: наброски к мнимой отношенческой идентичности // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 192–207. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.10

Komalova L.R., Sergeev S.S.

Don Juan of Kolomea: outlines for an imaginary relational identity¹

Abstract. The paper attempts to describe relational identity based on the novella by Leopold von Sacher-Masoch “Don Juan of Kolomea”. The novella appears to be a text illustrating one of the author’s private artistic views on the topic of “love.” We consider relational identity as a general term for a heterogeneous field of processes occurring in couple relationships. According to this, in the story of the hero Demetrius, the unfolding narrative forms a relational identity, but its morphology seems to be hidden from the narrator himself: he gets stuck in the idea of romantic falling in love as a mandatory requirement for a partner and refuses to develop himself in relationships and from the development of relationships themselves.

¹ The research is carried out within the framework of the state assignment to the Federal State Budgetary Institution of Science «Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences», project «The latest trends in the development of humanitarian thought in Russia and the West: philosophical movements, the development of Cultural Studies and the spiritual life of society in the digital era».

Keywords: couple relations; Sacher-Masoch; identity; relational identity; novella; narration; narrative.

Received: 05.02.2024

Accepted: 01.03.2024

For quoting: Komalova L.R., Sergeev S.S. Don Juan of Kolomea: outlines for an imaginary relational identity // Herald of Culturology. – 2024. – No. 2(109). – P. 192–207. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.10

Введение

С конца XIX в. в науках о человеке начала складываться практика, в основе которой лежит исследовательская и аналитическая работа с различными произведениями художественной литературы. В частности, в психоанализе многие специализированные номинации были сконструированы на основе художественных текстов (см., например, комплекс Электры, эдипов комплекс). В современной гуманитарной науке художественные произведения также нередко становятся источником самостоятельных аналитико-исследовательских работ, в результате которых порождаются разного рода языковые конструкты, которые могут в дальнейшем служить для обозначения различных исследуемых феноменов действительности. Так, историческим фактом является то, что творческая работа исследователей над текстами Л. фон Захер-Мазоха породила термин «мазохизм», получивший широкое распространение не только в узкоспециализированных источниках, но и во множестве популярных изданий.

Творчество Леопольда фон Захер-Мазоха вызывает бурные дискуссии и неоднозначные толкования, по-прежнему привлекая внимание как академического сообщества, так и простого обывателя. В частности, Л.Н. Полубояринова рассматривает интертекстуальность работ Л. фон Захер-Мазоха, находя множественные отсылки к произведениям Т. Манна, работам А. Шопенгауэра, диалогам Платона, схожесть тематик в работах Л. фон Захер-Мазоха и И.С. Тургенева (см., например: [Полубояринова, 2007; Полубояринова, Кулишкина,

Сидорченко, 2020]). В массовой культуре произведения автора представлены в семи известных нам киноэкранизациях¹ «Венеры в мехах».

Новелла «Коломейский Дон Жуан» (впервые опубликована в 1866 г.) открывает том «Любовь», состоящий из шести новелл. Л.Н. Полубояринова с опорой на письмо самого Л. фон Захер-Мазоха подчеркивает, что «соотношение новелл внутри отдельных томов <...> должно отвечать следующей закономерности: первые пять произведений “освещают саму проблему в различных ее нюансах, шестая же новелла содержит ответ, решение и вариант примирения” противоречия» [Полубояринова, 2006, с. 5]. Предварительный вывод состоит в том, что новеллу «Коломейский Дон Жуана», по замыслу Л. фон Захер-Мазоха, стоит рассматривать как текст, иллюстрирующий один из частных художественных взглядов автора на общую тему «любовь», освещаемую им в целом в одноименном томе.

В предисловии к тому «Любовь» Л.Н. Полубояринова пишет о новеллах как о способе представить различные аспекты любовных отношений [Полубояринова, 2006, с. 5]. По нашему мнению, применительно к произведениям Л. фон Захер-Мазоха преждевременно говорить об отношениях, так как концептуализация этого аспекта человеческого бытия в художественной литературе стала наблюдаться лишь в начале XX в. Простым наглядным свидетельством тому служит обращение к коллекции литературы Google Books². На рисунках 1–4 представлено частотное распределение источников по ключевым словам «любовь» и «отношения в паре» для немецкого, испанского, английского и русского языков. По рисункам видно, что по сравнению с «любовью» «отношения в паре» в период с 1800 по 2019 г. практически не номинированы в художественной литературе на соответствующих языках. При этом в литературе на немецком языке первое употребление слова «Paarbeziehung» в данной коллекции датиру-

¹ La Vénus à la fourrure (2013) – режиссер Роман Полански (Франция, Польша), Mpireul ireun bineoseu (2012) – режиссер Сон Е-сон (Южная Корея), Venus in Furs (1994) – режиссеры Виктор Ньяенхейс и Мартъе Сейферт (Нидерланды), Verführung: Die grausame Frau (1985) – режиссеры Эльфи Мишек и Моника Тройт (Германия), Venus in Bont (1974) – режиссер Джон Хартнет (Нидерланды), Le malizie di Venere (1969) – режиссер Массимо Делламанно (ФРГ, Швейцария, Италия), Venus in Furs (1967) – режиссер Джозеф Мардзано (США).

² URL: <https://books.google.com/ngrams/>

ется 1919 г., на испанском языке словосочетание «relación de pareja» появляется в 1920 г., на английском языке «couple relations» – в 1950 г., на русском языке «отношения в паре» – в 1957 г. (рис. 5–8).

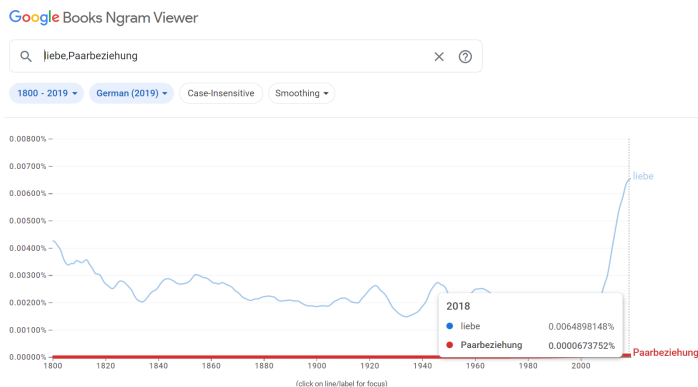

Рис. 1. Частотное распределение слов по запросу «Liebe, Paarbeziehung»

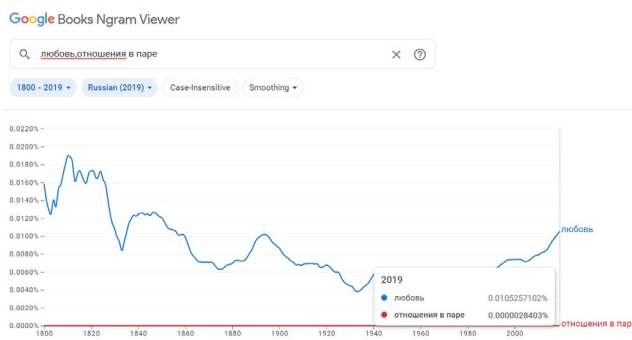

Рис. 2. Частотное распределение слов по запросу «любовь, отношения в паре»

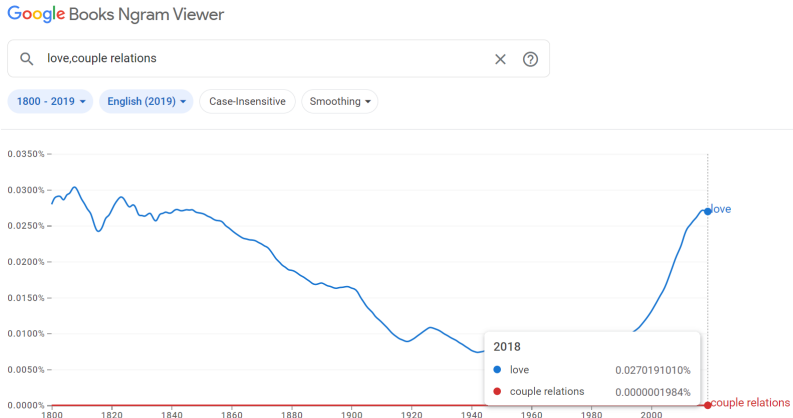

Рис. 3. Частотное распределение слов по запросу «love, couple relations»

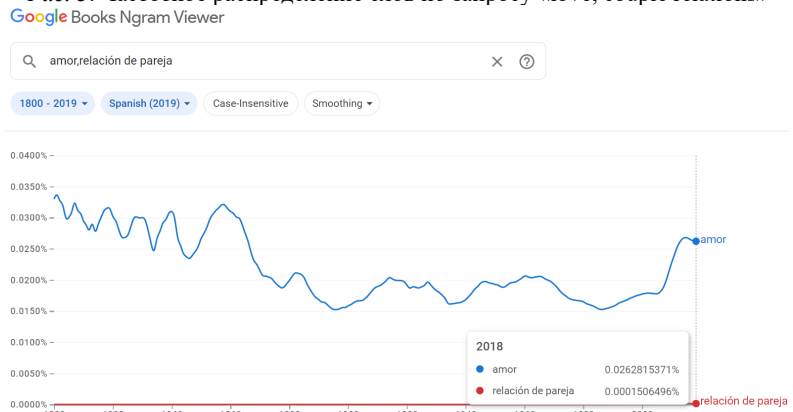

Рис. 4. Частотное распределение слов по запросу «amor, relación de pareja»

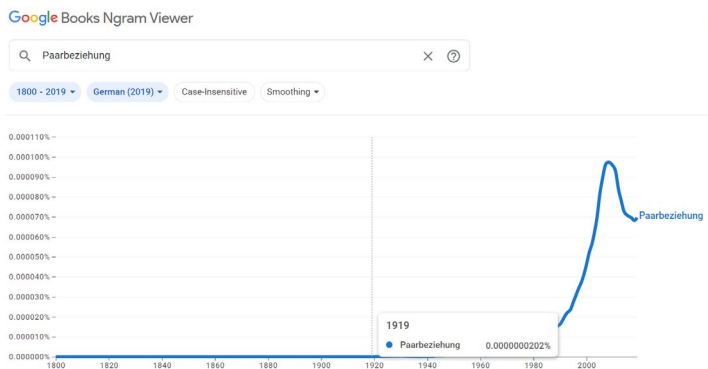

Рис. 5. Первое употребление слова «Paarbeziehung»

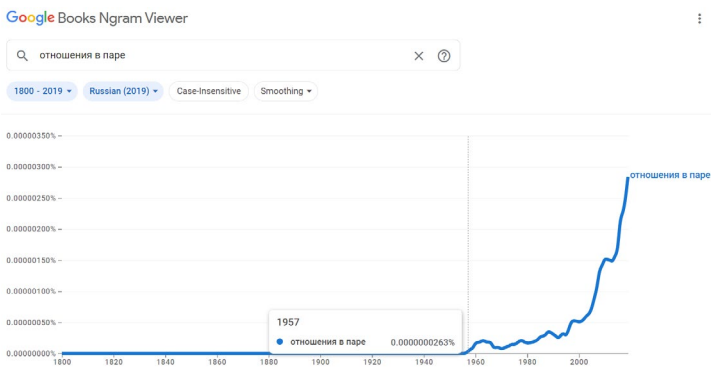

Рис. 6. Первое употребление словосочетания «отношения в паре»

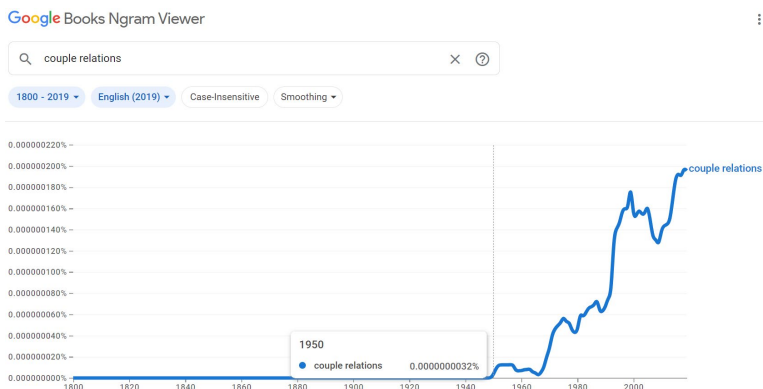

Рис. 7. Первое употребление словосочетания «couple relations»

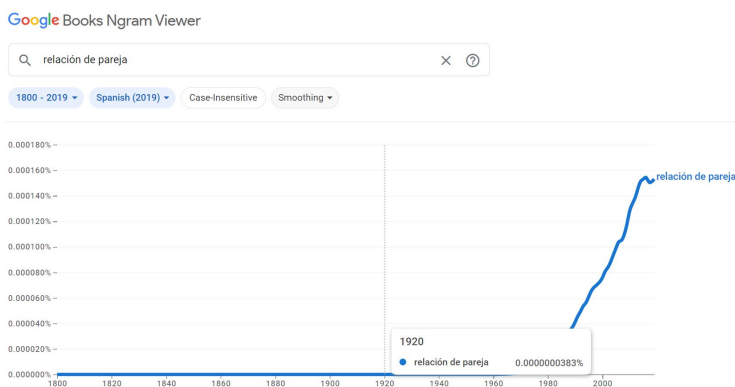

Рис. 8. Первое употребление словосочетания «relación de pareja»

Отношенческая идентичность как становящееся явление

Развивая исследовательское направление «дискурс отношений в паре»¹, при работе с различными текстовыми источниками мы часто встречаем словосочетание *relational identity*, которым авторы помечают некие процессы и феномены, проявляющиеся в практике взаимоотношений в паре. При этом номинация *relational identity* остается

¹ Работа в этом направлении ведется авторами статьи с 2006 года.

аморфной, не оформленной в устойчивое понятие. Во многих источниках при переводе на русский язык это словосочетание обозначается как «отношенческая идентичность».

Дэвид Сласс и Блэйк Эшфорс видят истоки отношенческой идентичности в природе ролевых отношений: отношенческая идентичность – это то, как люди разыгрывают свои роли по отношению друг к другу [Sluss, Ashforth, 2007, p. 11]. Отношенческая идентичность, по их мнению, отвечает на вопрос «Какова природа наших отношений?» Авторы выдвигают ряд предположений, в том числе и то, что, реализуя свои роли и индивидуально-личностные особенности, партнеры взаимно созидают отношенческую идентичность так, что она является нечто большим, чем суммой личностных и ролевых особенностей каждого из партнеров. Отношенческая идентичность описывает ситуацию, когда взаимодействие с разными людьми как будто вызывает к жизни разные версии нас самих [Хачатрян, 2015]. Добавим, что отношенческая идентичность «обитает» в паре, а не распределена между партнерами. Как пишет Карл Витакер, «то, что супруги вложили друг в друга, нельзя забрать назад» [Витакер, 1998, с. 47].

Следуя Эрику Эриксону, можно констатировать, что «термины “идентичность” и “кризис идентичности” и в широком, и в научном употреблении описывают нечто столь широкое и на первый взгляд самоочевидное, что, казалось бы, настаивать на точном определении означает придираться; в то же время иногда они применяются столь узко, что общий смысл термина теряется и с таким же успехом можно было бы использовать какой-нибудь другой. <...> Иными словами, многозначный термин стал употребляться ритуально» [Эриксон, 1996, с. 24]. Следовательно, словосочетание «отношенческая идентичность» может пониматься как общий термин для разнородного поля процессов, происходящих в отношениях в паре.

Построение идентичности сквозь фабулу произведения

Сюжетный центр новеллы «Коломейский Дон Жуан» составляет рассказ о себе боярина Деметриуса. Стечение обстоятельств сводит его в кабаке с незнакомцем и дает повод озвучить свою историю «несчастливого супружества» (так Деметриус сам называет свое душевное состояние). Боярин предстает фольклористом, «популяризирую-

щим» свое бытие среди случайных встречных. Однако этот рассказ, по первому прочтению приглашающий к пониманию, у чуткого к отношениям человека вызывает больше отторжение, чем принятие.

С первых строк Деметриус описывается как человек, вызывающий всеобщее внимание: то своим поведением и манерами (...*приезжий входил в корчму задом; ...попросил позволения набить свою трубку. Курили мужики, дьячок, курила печь, а он все-таки просил позволения!*), то привлекательной внешностью (*Этот мужчина должен был нравиться женщинам. ...благороден, строен и прекрасен, а энергичная гибкость и прочность сложения проглядывали в малейшем движении... ...мне самому доставляло удовольствие глядеть на него*). Он как бы «ищет» благодарной публики и с легкостью рассказывает о своих «любовных похождениях», не раскрывая при этом своей души, будто прячась за ширмой условно мужской идентичности ловеласа, покорителя женских сердец, вырисовывая образ желанного избранника для женщин и ненавистного противника для мужчин (*Это опасный человек, – шепнул мне Мошку через стол, – очень опасный. <...> Мошку имел в виду женщин. Видели, как он поспешил удалить свою жену? Этот элемент так легко воспламеняется*). Интересно и то, что такое поведение Деметриуса можно интерпретировать как вербализацию проблематичной ситуации, своего рода «крик о помощи», просьбу выслушать его, исходя из другой позиции, отличной от позиции незнакомца с большой дороги, которому безразлична личная «трагедия» рассказчика; брошенной любовницы, которая жаждет воссоединиться с объектом обожания и поэтому внемлет любому его слову; обманутого мужа, обуреваемого яростью и вынужденного избегать обидчика, не имея возможности ему отомстить. Он и сам как бы иронизирует над собой: *...такой ловелас, как я, он ведь лишь наполовину ловелас из сладострастия, наполовину же – из тщеславия. Если б мои похождения никому не были известны, я считал бы себя несчастнейшим человеком на свете*. Будь это реальный разговор, специалист по душевным недугам истолковал бы его как поиск запроса на сопровождение отношений или на индивидуальную терапию души.

Отметим, что большая часть текста новеллы (80,4%) – это рассказ (прямая речь) от лица Деметриуса. Полагаем, что беседу Деметриуса и рассказчика можно рассматривать как прототип ситуации консультации одного из супругов, в рамках которой консультант выступает по

большей части слушателем истории, рассказываемой клиентом. Что же описывается этой прямой речью? В практике психотерапии (в частности в рамках нарративной практики) предполагается, что в определенном типе консультативных бесед посредством прямой речи рассказчиков описывается то, что рядом исследователей называется «отношенческой идентичностью» [White, 2007, p. 261].

Внешне социально устроенный взрослый мужчина – владелец поместья, отец троих детей, охотник, делец – в психологическом развитии предстает перед нами в роли юноши (*Он был уже не первой молодости, но его веселые голубые глаза напоминали глаза беззаботного мальчика*), застрявшего на этапе первой влюбленности (*Так жили мы между собой, как две ласточки, сидели вдвоем и щебетали*), не желающего от нее отказываться (это особенно явственно читается в том, как ревностно Деметриус описывает поведение жены по отношению к нему и ребенку: *...Я стою на крыльце; на горизонте зарево; мимо забора едет крестьянин верхом и кричит мне: “Революция!” – и гонит свою тощую лошаденку далее. В деревне быют тревогу. <...> Целая толпа собирается на мой двор: “Барин! Мы пришли к тебе – поляки идут”. Я заряжаю свой пистолет, вешу наточить саблю, вбегаю к жене и говорю: “Дай мне ленточку или хоть тряпку какую для фуражки, только темно-желтую”. Уа-уа! бай-бай! И поверите ли? “Убирайся отсюда, – кричит она, – ребенок плачет, умирает, скорей поезжай в деревню, прикажи прекратить набат, иди же – скорее”. – “О! Теперь извини, я прикажу бить набат по всем деревням, пусть твой баловень кричит, знай, что отечество в опасности”.*), можно даже сказать, по-детски требующего от внешнего мира в лице женщин каждый раз воспроизводить сцены юношеской влюбленности и первой страсти.

Его метафора счастья как аренды недвижимого имущества указывает на представление о конечности любовной тяги, которую ничем не восполнить. Решение, которое он видит наиболее приемлемым, – это развод. Так же и с арендатором: при завершении срока аренды, арендатор оставляет помещение «истощенным» (у любви есть срок жизни, психологи помечают кризисы супружеских отношений на этапе первого, третьего, седьмого года брака / совместной жизни). Он и сам в метафорическом описании счастья говорит об этом: *Арендатор выпахивает поле, вырубает лес, испортит луга, не заботится о дорогах,*

равнодушно смотрит, как валяются сараи, как ежеминутно может завалиться и конюшня, наконец, и барский дом грозит падением – отлично! превосходно! Такой арендатор пожил, наслаждался. Вот вам и счастье! Интересно, что в этом описании просматривается некоторый пространственно-инфраструктурный абрис модели отношений: поле, лес, луга, дороги как внешняя социальная канва – представленность партнеров и пары вовне, связь с социальным окружением; сараи, конюшня, барский дом – внутренний мир пары, элементы, формирующие целостность приватной жизни пары. И собственник выступает тем, кто создает и поддерживает эту отношенческую инфраструктуру (см., например: [Сергеев, Комалова, 2017]). Однако в отношениях с супругой Деметриус не реализует себя как «собственник» (*Собственник, рассчитывающий навсегда остаться в имении, смотрит за порядком, удобряет поле, бережет старый лес, заказывает молодой, исправляет дороги – ему надо же заботиться о будущем, о своих детях*). Вместо того чтобы проявить агентивность, работать над отношениями, Деметриус приписывает вину за завершение счастливой семейной жизни внешним обстоятельствам – появлению ребёнка (*...отчего супружества несчастливы? <...> Что причиной? Дети!*). А неопытность в отношениях объясняет отсутствием полового воспитания (образования) (*...как всё делается у нас... даже прислуга никогда не говорила о таких вещах; вырастешь, показывается пушок на бороде, и не понимаешь, отчего так сердце бьется, как увидишь женщину*).

Такое представление указывает на незрелость Деметриуса в вопросах отношений между мужчиной и женщиной, на отсутствие представлений о развитии и преобразовании отношений, о взаимном изменении партнеров. В терминологии Эллин Байдер и Питера Пирсона, судя по описанию, он не желает покидать стадию симбиоза, в то время как их отношения с супругой переходят на стадию дифференциации. Партнер на стадии симбиоза чувствует угрозу и предательство (*Но жена – она ежеминутно может бросить меня; Но не осталось все как было...*), его требования практически не встречают эмпатию со стороны другого партнера (*Хотелось бы поговорить. С кем? С женой? Как бы не так. Залог любви [ребенок] ревет что есть сил из-за того, что муха села ему на нос; «Прошу тебя, пожалей меня, возьми кормилицу к своему ребенку»*). Она отрицательно качает головой),

гнев, печаль и отчаяние воспринимаются как разочарование в романтических иллюзиях (*Нрав мой, видимо, изменился. Что же делать, нрав поневоле испортится; ...с самого начала мужчина и женщина, собственно, созданы для обоюдной вражды. <...> Природа поставила себе задачей продолжить человеческий род, а по свойственному нам тщеславию и легковерию мы воображаем себе, что она только заботится о нашем счастье. Как бы не так! Едва появится на свет божий ребенок, как конец и счастьем, конец и любви*); стадия дифференциации в отношениях проявляется в том, что супруги учатся выражать свои чувства открыто и ясно (*...она начала скучать в моем обществе*), происходит смещение к внутреннему определению себя как личности с независимыми чувствами, мыслями и желаниями (*«Ты только ночью вспоминаешь обо мне, – вскрикивает она, – за любовницами более ухаживают, а я – я требую любви!»*), устанавливаются ограничения (*Кровать ее стоит в детской, я сплю себе один*). По сюжету новеллы супруги не переходят к конструктивным действиям этой стадии динамики отношений, когда развивается способность мириться с различиями в партнере, супруги научаются не бояться говорить о своих особенностях, четко определяется поле ответственности и прав каждого [Байдер, Пирсон, 2008, с. 279]. По тексту новеллы читается, что жена Деметриуса перешла на этап дифференциации, а он остался на этапе симбиоза.

Интересно, что в рассказе Деметриуса лишь малая часть (всего несколько абзацев текста) уделена тому, что можно было бы действительно назвать похождениями Дон Жуана: *«Вы думаете: вот у старого дурака дома жена и дети, а он собирается развлекать меня рассказом о своих романах, свиданиях и любовных записках!»* И действительно, о «романах, свиданиях и любовных записках» места в его рассказе почти не находится. Речь идет все время о чем-то ином...

По завершении рассказа на вопрос незнакомца *«А в каких отношениях находитесь вы с женой?»* Деметриус отвечает: *«Мы вежливы друг с другом»*, констатируя взаимосвязь супругов на уровне формальностей: у каждого своя жизнь, свой быт, они лишь живут на одной территории. Деметриус полностью переключается на безусловную любовь младшей дочери – ребенка его супруги от другого мужчины (*...девочка понимала, что я ненавижу ее, а между тем я даже не умею выразить вам, как она любила меня. <...> Мало-помалу мы*

стали лучшими друзьями. <...> Она боялась только за меня. <...> И как мы понимали друг друга!) При этом мысли о текущих отношениях с супругой вызывают у него неприятные соматические проявления: *Случается, когда я вспомню то время, ее ...то начинает болеть голова, да, голова болит тогда...*

Заключение

Согласно ряду исследователей, в основе новеллистического цикла «Любовь» Л. фон Захер-Мазоха лежит философия пессимизма Артура Шопенгауэра [Полубояринова, 2006, с. 7]. Можно представить, что текст новеллы есть «сконструированная творческим воображением» [Зильберман, 2015, с. 20] писателя «попытка художественного комментария, иллюстрации к мрачной философии Шопенгауэра» [Михайловский, 1897, с. 229], в которой обнаруживается получившая признание в широкой общественности идея «борьбы полов». При прочтении новеллы складывается впечатление, что Деметриус берет за основу эту идею и выстраивает свой рассказ вокруг доказательства и иллюстрации идеи «борьбы полов», делая ее главным и неоспоримым аргументом в тезисе о «несчастливом супружестве». Он делает это с такой уверенностью и настойчивостью, что поневоле задаешься вопросом, насколько идея «борьбы полов» тотально поглотила Деметриуса, что не дает ему возможности увидеть иные исходы его отношений с супругой. И тогда рамочная тема «несчастливого супружества» оказывается согласованной с иллюстративным авторским замыслом Л. фон Захер-Мазоха. А словосочетание «мнимая отношенческая идентичность», вынесенное нами в название статьи, есть обозначение того эффекта, который возникает как естественный результат и продукт считывания этого возможного авторского замысла.

Рассматривая новеллу «Коломейский Дон Жуан» с позиций отношенческой идентичности персонажа Деметриуса, мы не обнаруживаем ее как таковую. Персонаж оперирует кажущимися образами отношений, застревая в представлениях о романтической влюбленности как обязательном требовании к партнеру и отказываясь от развития себя в отношениях и от развития отношений. В новелле мы обнаруживаем множество описаний, подтверждающих данный тезис и наглядно представляющих необходимость формирования отношенческой иден-

тичности для поддержания здоровых отношений между романтическими партнерами – для достижения «супружеского счастья».

Список литературы

Байдер Э., Пирсон П. В поисках мифической пары: эволюционный подход к диагностике и психотерапии пар / пер. с англ. и ред. Н.А. Цветковой. – 2-е изд. стереотип. – Москва : Московский психолого-социальный институт, 2008. – 302 с.

Витакер К. Полночные размышления семейного терапевта / пер. с англ. М.И. Завалова. – Москва : Класс, 1998. – 208 с.

фон Захер-Мазох Л. Коломейский Дон Жуан // *фон Захер-Мазох Л.* Наследие Каина : романы, повести : пер. с нем. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2006. – С. 55–105.

Зильберман Д.Б. К пониманию культурной традиции / отв. ред. О.И. Генисаретский. – Москва : Институт развития им. Г.П. Щедровицкого ; Политическая энциклопедия, 2015. – 623 с.

Михайловский Н.К. Палка о двух концах. [Рец. на:] «Завещание Каина» Л. фон. Захер-Мазоха (1877) // Михайловский Н.К. Сочинения. – Санкт-Петербург, 1897. – Т. 6. – URL: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_1877_palka_oldorfo.shtml?ysclid=ls0ec9a7ep680952401

Полубояринова Л. «Великие проблемы» Леопольда фон Захер-Мазоха // *фон Захер-Мазох Л.* Наследие Каина : романы, повести / пер. с нем. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2006. – С. 5–30.

Полубояринова Л. Новеллистический цикл Леопольда фон Захер-Мазоха «Наследие Каина»: к семантике заглавия // Вестник Санкт-Петербургского университета: Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2007. – № 1 (1). – С. 19–25. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21113480>

Полубояринова Л., Кулишкина О.Н., Сидорченко Л.В. Томас Манн и Леопольд фон Захер-Мазох // Литература народов стран зарубежья. – 2020. – № 13(6). – С. 101–105. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.17>

Сергеев С.С., Комалова Л.Р. Образы гуманитарных отношений в произведении Антуана де Сент Экзюпери «Маленький принц» // Языковой образ в коммуникации. – Москва : ИНИОН РАН, 2017. – С. 69–84.

Хачатрян М. В поисках автора: субъект в нарративной практике // Журнал практического психолога. – 2015. – № 2 : Нарративная терапия и работа с сообществами: теория и практика. – URL:

https://kraidotonline.files.wordpress.com/2018/10/d185d0b0d187d0b0d182d180d18fd0bd-d0bc-d0b0-d0b2-d0bfd0bed0b8d181d0bad0b0d185-d0b0d0b2d182d0bed180d0b0_pdf.pdf

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. ; общ. ред. и предисл. Толстых А.В. – Москва : Прогресс, 1996. – 244 с.

Sluss D., Ashforth B. Relational identity and identification: defining ourselves through work relationships // Academy of Management Review. – 2007. – Vol. 32, N 1. – P. 9–32. DOI: 10.5465/AMR.2007.23463672

White M. Maps of narrative practice. – New York ; London : W.W. Norton & Company, 2007. – 304 p.

References

Bajder, E., Pirson, P. *V poiskah mificheskoy pary: evolyucionnyy podhod k diagnostike i psihoterapii par* [In search for mythic pair: evolutionary approach towards diagnosis and couple therapy], trnsl from Engl. & ed. by N.A. Cvetkova. 2nd edition Stereotype. Moscow, Moskovskij psihologo-social'nyj institute Publ., 2008. 302 p. (In Russ.)

Whitaker, C. *Polnochnye razmyshleniya semejnogo terapevta* [Midnight musing of a family therapist], trnsl from Engl. by M.I. Zavalova. Moscow: Klass Publ., 1998. 208 p. (In Russ.)

von Sacher-Masoch, L. Kolomejskij Don Zhuan [Don Juan of Kolomea]. In: von Sacher-Masoch, L. *Nasledie Kaina: romany, povesti* [Cain's heritage: romans, novels], trnsl. from Germ., Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2006, pp. 55–105. (In Russ.)

Zilberman, D.B. *K ponimaniyu kul'turnoj tradicii* [Towards an understanding of cultural tradition], ed. O.I. Genisaretskij. Moscow, G.P. Shhedrovitsky's Development Institute; Political Encyclopedia Publ., 2015. 623 p. (In Russ.)

Mihajlovskij, N.K. Palka o dvuh koncah [A double-edged sword]. [Rev. on:] «Zaveshchanie Kaina» L. fon. Zaher-Mazoha [Cain's heritage: romans, novels by L. von. Sacher-Masoch]. In: Mihajlovskij, N.K. *Sotchineniya. Volume 6* [Works. Vol. 6]. Saint Petersburg, 1897. URL: http://az.lib.ru/m/mihajlovskij_n_k/text_1877_palka_oldorfo.shtml?ysclid=ls0ec9a7ep680952401 (In Russ.)

Poluboyarinova, L.N. «Velikie problemy» Leopold'a fon Saher-Mazoha [Leopold von Sacher-Masoch's "Great issues"]. In: von Sacher-Masoch, L. *Nasledie Kaina: romany, povesti* [Cain's heritage: romans, novels], trnsl. from Germ. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ.. 2006, pp. 5–30. (In Russ.)

Poluboyarinova, L.N. Novellisticheskij cikl Leopold'a fon Saher-Mazoha «Nasledie Kaina»: k semantike zaglaviya [Leopold von Sacher-Masoch's cycle of short stories "Cain's heritage": on the meaning of the title]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, no 1(1), 2007, pp. 19–25. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21113480> (In Russ.)

Poluboyarinova, L.N., Kulishkina, O.N., Sidorchenko, L.V. Tomas Mann i Leopold' fon Saher-Mazoh [Thomas Mann and Leopold von Sacher-Masoch]. *Philology. Theory and Practice*, no 13(6), 2020, pp. 101–105. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.17> (In Russ.)

Sergeev, S.S., Komalova, L.R. Obrazy gumanitarnyh otnoshenij v proizvedenii Antuana de Sent Ekzyuperi «Malen'kij princ» [Human relations' images in "The little prince" story by Antoine de Saint-Exupéry]. In: *Yazykovoj obraz v kommunikatsii* [Language image in communication]. Moscow, INION RAN Publ., 2017, pp. 69–84. (In Russ.)

Khachatryan, M. V poiskakh avtora: subject v narrativnoj praktike [In search of the author: the subject in narrative practice]. In *Zhurnal prakticheskogo psihologa*, no 2, 2015. URL:

<https://kraidotonline.files.wordpress.com/2018/10/d185d0b0d187d0b0d182d180d18fd0bd->

d0bc-d0b0-d0b2-d0bfd0bed0b8d181d0bad0b0d185-d0b0d0b2d182d0bed180d0b0_pdf.pdf
(In Russ.)

Erikson, E. (1996). *Identichnost: yunost i krizis* [Identity: youth and crisis], transl. from Engl.; general ed. and preface. Tolstykh A.V. Moscow, Progress Publ., 1996. 244 p. (In Russ.)

Sluss, D., Ashforth, B. (2007). Relational identity and identification: defining ourselves through work relationships. In *Academy of Management Review*, no 32(1), 2007. pp. 9–32. DOI: 10.5465/AMR.2007.23463672

White, M. *Maps of narrative practice*. New York; London, W.W. Norton & Company Publ., 2007. 304 p.